

«Груз памяти пригибает меня к земле, ломает мой крестец. Если мне удастся донести до людей, что жизнь дается человеку только раз и никогда ни в ком и ни в чем более не повторяется, что сознательная и созидательная жизнь столь коротка, что бессмысленно, жестоко, неразумно обрывать ее прежде времени, тратить силы на разрушение, ожесточение и убийство и что надо пробовать жить на земле в мире и согласии, если удастся внушить это тем, кто все еще не понимает, сколь велика нависшая над нашей планетой угроза термоядерной катастрофы, — то значит, жизнь и работа моя и моего поколения были не напрасны».

В. АСТАФЬЕВ.

НАША беседа с Астафьевым все откладывалась и откладывалась. И неудивительно: он живет в Красноярске. Наконец он оказался в Москве проездом, ненадолго — всего на несколько дней. Мы встретились в последний вечер перед его отъездом (улетал он на рассвете). Было самое время укладывать вещи, но из-за меня сборы отложили, и все вышло из комнаты — чтобы нам не мешать.

— Только недолго, пожалуйста, — предупредил меня Виктор Петрович. Но через несколько минут Астафьев посмотрел на часы и заспешил к телевизору.

— Юра выступает — обязательно надо посмотреть, — сказал он, подвинув к телевизору и мое кресло. И мы стали смотреть творческий вечер Юрия Бондарева.

Передача была интересной, особенно ответы на вопросы. Бондарев разворачивал одну за другой записки, читал их вслух и тут же отвечал. Астафьев удовлетворенно кивал: «Молодец, Юра!», а я ловила себя на том, что многие из этих вопросов — об интеллигентности, о писательском ремесле, о молодости и старости — с удовольствием задавала бы Астафьеву.

Как только передача окончилась, я спросила, согласен ли он с Бондаревым, что человек, не переживший войны сам, не сможет написать о ней по-настоящему.

— Бондарев так категорично не говорил. Он допускает исключения...

— А как же Лев Толстой? Он в 1812-м еще не родился, а как глубоко написал о Наполеоне.

— Лев Толстой — гений. А для гения нет готовых законов: он сам их творит.

— Но и у вас, Виктор Петрович, в одной из повестей было: «Кто не страдал и не мыкался, ничего занятого и не оставит о себе». Вы считаете, страдания необходимы для формирования личности писателя, художника, вообще человека творческого?

— Страдания для всех разные. Для одного лишится пряника — страдание. А другой и ноги лишится — и ничего, переживает. Отношения к страданию разные даже у разных поколений. Вот Лермонтов — благополучный юноша, богатый очень. Даже сидя в Петропавловской крепости, ел уху из стерляди. Ну какие у него, казалось бы, страдания? А ведь все творчество его, вся жизнь проникнута страданием! И состраданием: он страдал не только за себя — за все человечество, за Пушкина.

Про меня часто пишут и говорят: у него было тяжелое сиротское детство. Детство тяжелым не бывает. Оно бывает у одного — такое, а у другого — другое. У меня оно, наверно, было более интересным, чем у других. Еще вопрос: какому детству завидовать: благополучному и сытому или такому, как мое, насыщенному событиями? Какая жизнь лучше? Может, как у Обломова: поел, поспал и снова поел?

— Я думаю, лучше та, что делает человека Человеком.

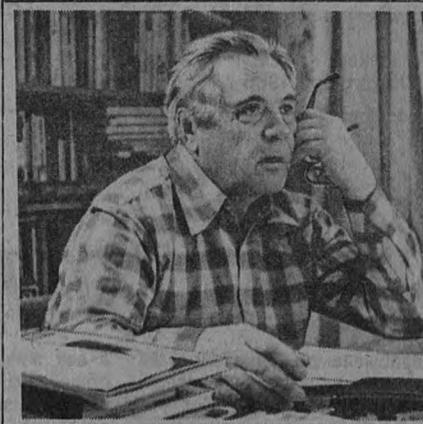
— Именной Жизнь, которая из каждого извлекает его возможности, помогает полнее раскрыться. Это — главное. Человек без творческого начала, без стремления помогать другому, делать добро — что легкий камень. Он не представляет для ме-

никакого интереса. Если ты можешь заботиться только о себе, о своем благополучии, значит, ты занимаешь на свете чье-то место. Такие люди живут напрасно, они не достойны жизни.

УЖЕ несколько лет Астафьев ведет «час литературы» и «час поэзии» в Овсянниковской школе, в той самой деревне, где прошло его детство. Он говорит с ребятами о литературе, о жизни, читает стихи Ахматовой, Твардовского, Смелякова, Етушенко. Главное — заразить интересом к слову, как когда-то заразил его самого сибирский поэт И. Д. Рождественский на уроках русского языка и литературы в школе заполярного города Игарка.

— Для вас забота о других — главное в человеке?

— Забота — это как-то примитивно. Скорее, стремление к состраданию, к добру. Само слово «забота» грубовато. Для

официант, — тем меньше конфликтов и, следовательно, грубости. Нас вообще губит ПОЛУ, этакий ПОЛУ-профессионализм: ПОЛУ-шоферы, ПОЛУ-интеллигенция, ПОЛУ-писатели...

— А кого вы называете полуписателем: графомана или профессионального писателя, который плохо пишет?

— Случайно попавшего в литературу.

— Человек начал писать. Случайно или не случайно — как определять?

— Каждый должен знать меру своему таланту. Если знаешь, что ты посредственный писатель, надо искусственно поднять свою температуру до того, чтобы писать хорошо. Это огромный труд и самосожжение. Много лет не доживешь, но будешь работать на высоком уровне.

В тридцатые годы, когда я только начинал учиться, сама грамота, образование были так заманчивы, представляли волшеб-

Воскресные
ВСТРЕЧИ

КОРНИ

У нас в гостях лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР им. Горького писатель Виктор АСТАФЬЕВ.

такого чувства, как отношение друг к другу, есть более интеллигентные слова. Сюда вмещаются не только забота, но еще и отношение к женщине, к любви, к другим тонким и деликатным понятиям. Если раньше кое-что можно было написать на грубость жизни, необразованность, то теперь, когда все грамотны, высокоразвиты, когда столько книг прочитано — и вдруг прорывается нечто пещерновоковое...

— В одной из ваших газетных статей — она называется «Мусор под лестницей» — вы говорили об истоках хамства и разгильдяйства. Как вы думаете, где лежат корни потребительского отношения к жизни, вседозволенности, ощущения, что все можно?

— Думаю, во многом «виноват» отрыв от корней. Как человек, выросший в деревне, я с детства привык считать, что земля — всему основа. В самом деле, человек не может прожить без хлеба. А родится хлеб на земле.

Я знаю в Красноярском крае село Верхний Кужебар. Председателем там Димитров Андрей Иванович. В этом селе сумели сохранить все хорошее, что было в крестьянском укладе, и перенять лучшее из нового. Сохранили крепкий сибирский двор, рубленый. Большие амбары. Огороды, на которых все хорошо растет, потому что за ними ухаживают. И в то же время появились веранды, радио, телевизоры. По селу проложен асфальт. Ездят машины, но есть и лошади. Дворы чистые, и во всем селе порядок и чистота. Внизу, где лодки делают, я думал, будет обязательно мусор. Так нет. Щепу сгребают после работы, жгут, кругом чистота. Палисадники сажают, хотя в Сибири это не очень принято. Огораживают, устраивают нечто похожее на садик. А продавец в магазине — в чистой куртке, покупателям не грубит.

Для сравнения — недавно мы в Абакане сок покупали. Сок мутный, невкусный. Так за три минуты, что мы провели в магазине, продавщица успела сделать нам три замечания. А сегодня в Москве мне нахамил шофер такси. Чем квалифицированнее человек — повар, продавец, шофер,

ный мир. Казалось, выучиться — значит вырваться из невежества, стать начальником. Бабушка говорила мне: «Учись хорошенько — будешь десятником или учителем», — дальше уж ей не мечталось.

Мы достигли всеобщей грамотности, но при этом породили полуграмотных учителей, мастеров, инженеров. Ведь дипломированные специалисты после института — это еще не инженеры: они не готовы. Их ставят для начала бригадирами, сменными мастерами, а то и просто в бригаду назначают рабочими — чтобы привыкли к производству. Практика у них в институте была, но плохая.

Да и в школе по-настоящему не учат трудиться. Проводится анонимные опросы; так судя по анкетам, только 5—6 процентов учащихся хотят нормально работать. Остальные собираются стать артистами, петь, плясать, веселиться. Им кажется, что калачи и булки на берегах растут. Отсюда начинается неуважение к труду, к хлебу. И это в нашей стране! Да я сам в детстве нечасто бывал сыт. Мне страшно, как это люди могут разбрасывать хлеб! Даже в пережившем блокаду Ленинграде...

— Способно ли человечество извлекать уроки из своей истории?

— А как же! Наша планета может оказаться на краю гибели — вот вам и урок. Параллельно идут вековая культура человечества, добытая в крови и слезах, и безумия, одичание, которое пытается взять верх. Ведь война — это безумие.

Мы живем в мире 40 лет, но за эти годы уже сколько раз возникли маленькие войны. Хотя маленькие они для остальных, а для тех, кто воюет, война всегда большая.

Есть и другие войны, необходимые — внутри человека, войны с самим собой. Это — та невидимая работа, которая происходит или должна происходить в каждом человеке. Без нее мы не разберемся в своих проблемах, не преодолеем недостатки, упрямся лбом в стену. Сколько еще явлений, которые трудно понять, но необходимо!

Возьмем деревню, где надо кому-то сеять и убирать. Разве продержаться на шефках, которые ни за что не отвечают? Это страшно развращает человека, когда никто ни за что не отвечает. Падают помидоры, гниет виноград, зерно осыпается прямо в поле. Может ли человек не уважать, не беречь труд? Оказывается, да — если он выполнен чужими руками. В своей квартире мы с вами бережны и аккуратны. Но некоторые мусор выметают на лестницу, об чужой коврик ноги вытирают. Очень грязно на лестничных площадках, в переходах, а в квартиру зайдешь — идеальный порядок. Откуда это полуказенное отношение, неуважение к тому, что не твоё? Ну где, когда разумному человеку придет в голову выломать оконные рамы и перила, сжечь почтовые ящики, разобрать автобусную остановку? А ведь все это еще случается! Если ваше поколение не решит подобные проблемы, как оно сможет существовать? Вот почему я говорю о войне с самим собой.

После войны Астафьев работал в горячем цехе, разгружал вагоны с дровами и мясными тушами для колбасного завода. Потом перешел в другой цех — мыть туши и подавать на стол обвальщикам, солить, селитровать. Работа очень тяжелая, да еще вечные порезы на руках, в которые попадает едкая селитра. Да плюс еще военные ранения...

Он перешел на должность ночного вахтера. Однажды вечером Астафьев случайно попал на занятие литературного кружка, где читал свой рассказ сотрудник местной газеты. Автор был фронтовиком, но в его рассказе о войне жизнь выходила настоящей — легкой и более красивой, чем на самом деле. Эта подслащенная ложью правда взбесила Астафьева настолько, что он решил написать свой первый рассказ. О своем друге-олязисте Моте Савинцеве. О том, как Мотя умирал.

— В ИКТОР Петрович, как вы, коренной сибиряк, объясните загадочный «сибирский феномен» в литературе и драматургии? Я имею в виду Шукшина, Распутина, Вампилова, Федора Абрамова, Залыгина — тех талантливых писателей-сибиряков, что буквально разом, в последние десятилетия стали так читаться всюду. Может, потому, что они через сибирский характер сумели выразить русский тип?

— Думаю, дело в том, что Сибирь — это новая земля, где сконцентрировалось много сил, талантов, национальностей. Где произошёл, вероятно, отбор языка и других культурных накоплений, начатых еще со времен декабристов. Теперь Сибирь отдает накопленное. Действительно, в Сибирь много интересных писателей, но они появились не вдруг, а были и до революции, и во время гражданской войны, и после. Просто подзабыли малость. Достаточно вспомнить, что здесь родился «Корнек-Горбунок».

Издательство «Современник» выпускает книги забытых писателей, так половина из них — сибиряки. Наш край хоть и молод, но имеет свою историю, свою литературу.

— Катая о молодости. Что бы вы сказали о своем ощущении возраста?

— У каждого возраста есть свои прелести и возможности. В старости, конечно, прелести мало, но есть какая-то сосредоточенность, успокоение. Есть знание, хотя оно и выражает скорбь. Меньше слепоты — все видишь, больше чувствуешь, становишься снисходительнее к другим. Можешь больше прощать людям, быть добрей. Недаром бабушки и дедушки считаются самыми добрыми людьми.

В дверь постучали, и, только посмотрев на часы, я оценила деликатность и доброту Виктора Петровича. Было около полуночи. А в четыре часа утра ему вылетать...

Беседу велла Светлана НОВИКОВА.

Моск. написанием 1985, 27 окт